

Апельсин для сына

Свежий снег слегка припорошил укатанную лыжню, поэтому лыжи скользили по ней мягко и почти беззвучно. В тишине ночного леса я слышал только их слабое шуршание. Легкий морозец пощипывал нос и щеки и обжигал горло, когда я жадно хватал ртом воздух после нескольких быстрых рывков вперед. Силы были на исходе. Увлечшись, я ушел слишком далеко, и теперь спешил домой, где меня ждали жена и две маленькие дочки. Они, наверное, уже примеряли свои новогодние наряды и начинали беспокоиться обо мне.

День был хлопотный – канун Нового Года. Все было готово: квартира прибрана и стол накрыт, а елку мы нарядили загодя. Какая-то шальная мысль толкнула меня пройти на лыжах. Хотелось острее ощутить сказочность и волшебство, которые у меня связывались с этим праздником с детства. Где, как не в зимнем лесу, искать их? Молчаливые сосны с отвисшими под тяжестью снега ветвями, холодные звезды в ночном небе, таинственные тени среди сугробов ... – кажется, будто за следующим поворотом лыжни откроется поляна, на которой вокруг костра стоят те самые Двенадцать Месяцев, а там за кустами бредет Снеговик-почтовик с письмом к Деду Морозу.

Я вышел из дому еще перед закатом. В нашем небольшом городке лыжные следы ведут в лес от дверей почти каждого дома. Поэтому попасть в сказку может любой – стоит только встать на лыжню и отдаться ее замысловатым извилям, которые идут по берегам замерзших речек, через поросшие камышом болотца, делают петли, чтобы не пройти мимо сказочных полян. Конца у нашей лыжни, наверное, нет. Она уходит в неведомые дали, и трудно поверить, что ее проложили люди.

Когда солнце начало опускаться за кромку леса, я был уже далеко от дома. Остановившись на отвесном берегу реки, я любовался багровыми отсветами заката на белом снежном покрывале, укутавшем ее русло. Снежинки искрились в лучах, пронизывающих кроны деревьев. Длинные тени сосен тянулись от противоположного берега, вырезая причудливые узоры из серебристо-розового снежного полотна. Морозный воздух был недвижим и необычайно прозрачен. Всё вокруг казалось застывшим изображением на фотоснимке. Абсолютная тишина, нарушаемая лишь моим собственным дыханием, еще более усиливала это ощущение.

Оранжевое солнце лежало на кронах дальних деревьев, как апельсин на белой скатерти праздничного стола. Вспомнились разрисованные бумажные пакеты, в которых нам в детстве выдавали новогодние подарки в заводском Доме Культуры. Там всегда были конфеты, шоколад и обязательно апельсин или два-три мандарина. Для меня это была самая желанная часть подарка. Съедал я их не сразу, растягивая

удовольствие. Кожуру не выбрасывал – ее можно было заваривать вместе с чаем, получая сказочно ароматный напиток. С тех давних пор Новогодний праздник у меня в глубине сознания неразрывно связан с этим ароматом. Глядя на солнце-апельсин, я даже ощутил, как в морозном воздухе запахло цедрой.

Заворожённый красотой и кажущейся нереальностью картины, я стоял там до тех пор, пока солнце не скрылось совсем. Небо над лесом из малиново-красного очень быстро сделалось сине-черным. Тени сгустились и перекинулись с берега на берег. Сумерки надвигались, но было еще светло. Следовало бы возвращаться, но хотелось продлить это чудесное состояние души, когда все земные заботы представляются ничтожными в сравнении с величием природы.

От долгого стояния пальцы ног в тонких лыжных ботинках стали мерзнуть, по спине пробежал холодок. Я решил пройти еще немного вперед. Снова встав на лыжню, я сразу же почувствовал, как озябли руки и лицо. Резкими толчками я набирал скорость, вместе с которой возвращалось ощущение внутреннего тепла. Отдавшись ритму движения, я на какое-то время отрешился от всего окружающего. Руки и ноги двигались согласованно и автоматически. Я наслаждался работой своих собственных мышц, будто слаженной работой мотора, несущего меня вперед. Так, в состоянии эйфории, я шел и шел, не думая о времени и расстоянии.

Не знаю, сколько минут прошло – пять или, может быть, двадцать пять, прежде чем я наконец почувствовал усталость и остановился. Часов у меня не было, да и поляна, на которой я стоял, была незнакомой, поэтому судить о том, как далеко я оказался и как долго шел, было трудно. Одно было ясно – пора поворачивать назад. Небо уже украсилось звездами, яркая луна бросала свой холодный свет на нетронутые снежные поляны.

Обратная дорога всегда труднее. Навалилась усталость, вынуждавшая меня часто останавливаться. Потная спина стала чувствовать морозный воздух. Сказочный лес с наступлением темноты сделался мрачным и пугающим. Уже не Снеговик виделся за кустами, а Баба Яга или другая нечистая сила. Я вдруг поймал себя на мысли, что мне страшно обернуться и посмотреть назад. Хотелось поскорее выйти, вырваться из этого темного леса, обступившего меня со всех сторон.

Чтобы победить страхи, я стал думать о том, что ожидало меня впереди: уютная теплая комната, любимая жена и дочки, уставленный яствами стол, запах ёлки и мандаринов ... Пожалуй, самым трогательным в этом празднике было время раздачи подарков. Причем дарить их было даже приятнее, чем получать. Ни с чем не сравнить то чувство любви и нежности, которое возникает при виде восторженно искрящихся глаз маленьких девочек, ожидающих полночи и боя курантов. Девочки знают, что вскоре после этого двери в прихожую сами по себе отворятся, а там будут стоять два маленьких Деда Мороза с подарками для них. И не столь важны сами подарки, как сказочное волшебство происходящего. Девочки с замиранием сердца ждут этого чуда и искренне верят, что «Морозики» непременно придут. Они вполголоса переговариваются и боятся подойти к двери. Своим детским сердцем они чувствуют,

что чудо всегда очень хрупко – его легко спугнуть, разрушить неосторожным прикосновением.

Поглощенный мыслями о предстоящей Новогодней ночи, я перестал бояться темных деревьев и причудливых силуэтов. Сердце вновь наполнилось теплотой. Появилось «второе дыхание», которое позволило мне пойти быстрее. Вскоре и лес кончился. Я вышел на обочину плотно укатаной дороги, переходить которую на лыжах было весьма неудобно. Отстегнув крепления и взяв лыжи в руки, я перешел на другую сторону.

За дорогой лыжня продолжалась в обход небольшого лесочка, в котором было городское кладбище. До дома было уже недалеко. На нашу улицу можно было попасть, либо пойдя по лыжне, либо напрямую – по тропинке через кладбище. После страхов, пережитых в лесу, идти по ночному пустынному кладбищу не хотелось. Но и вновь вставать на лыжи желания тоже не было – давала себя знать усталость. Немного поколебавшись, я решительно направился к воротам кладбища.

Мы жили в этом городе еще не достаточно долго, чтобы врасти в эту землю корнями, чтобы было кого навещать в этом месте вечного покоя. Я поэтому бывал здесь крайне редко – если только, как в этот раз, хотел сократить путь. Удивительно, но страха, которого можно было бы ожидать, вовсе не было. Напротив – в душе появилась даже какая-то бравада: вот, мол, каков я – иду и не боюсь! Наверное, таким образом я искал оправдания перед самим собой за тот страх, что испытал там – в лесу.

Гордый собой, я шагал широко и даже начал насвистывать мелодию одной из песен популярной группы Абба. Вдруг сердце мое оборвалось. По тропинке, на которую мне надо было свернуть, двигались два призрака. Я замер, не в силах пошевелиться. Их дорожка пересекалась с моей метрах в двадцати. Возникло непреодолимое желание повернуться и бежать, но ватные ноги не слушались, во рту пересохло.

Я стоял и смотрел. Через несколько мгновений, показавшихся мне вечностью, я понял, что это никакие не привидения, а живые люди. Под их ногами скрипел снег. С трудом оправившись от страха, я пошел вперед к перекрестку дорожек, куда направлялись и они. Сообразив, что могу их напугать так же, как и они меня, я начал старательно переступать с каблука на носок, чтобы сделать скрип моих шагов громче.

Подойдя ближе, я разглядел, что это были мужчина и женщина, еще не старые, но по-стариковски осунувшиеся и согбенные словно под тяжестью невидимого груза. Они шли молча. Женщина держалась за локоть своего спутника. Видно было, что идти ей трудно. Мужчина не спешил, соизмеряя свои шаги с ее тяжелой поступью.

Заметив меня, мужчина лишь бросил короткий отсутствующий взгляд, не выражавший ни страха, ни даже удивления. А спутница его и вовсе не посмотрела в мою сторону. «Наверное, похоронили кого-то недавно», – сочувственно подумал я и остановился у перекрестка тропинок, в ожидании, когда они пройдут. В ярком лунном свете я разглядел их лица. На них не было ни слез, ни следов неизбывного горя – только устремленные внутрь себя задумчивые взгляды. Казалось, что оба они с кем-то

мысленно разговаривали. Мне даже почудилось, что на лице женщины мелькнула улыбка.

Посмотрев вслед удаляющейся паре, я повернул туда, откуда они пришли. Эта дорожка вела к другим воротам, через которые мне нужно было пройти, чтобы попасть на свою улицу. На свежем снегу были хорошо видны следы встретившихся мне мужчины и женщины. Могила, к которой вели следы, оказалась недалеко – рядом с дорожкой. Движимый любопытством, я остановился у этой могилы. Она была огорожена. Снег был аккуратно расчищен и внутри и снаружи ограды.

Могильный холмик располагался не в центре, а у левого края. Справа от него места хватило бы еще для двух таких же. Над могилой возвышалась мраморная плита, с которой на меня смотрел мальчик в военной форме с аксельбантами. На голове у него была не фуражка, а берет с кокардой. На груди была изображена медаль. Под портретом были даты, из которых следовало, что мальчик прожил неполных двадцать лет и лежит здесь уже пятый год. Под датами было написано: «Погиб при исполнении интернационального долга».

В глазах и во всем лице мальчика не было ничего военного, ничего мужественного, что соответствовало бы берету и тельняшке, которая была видна под расстегнутым воротом гимнастерки. Чувствовалось, однако, что, фотографируясь, он был очень горд своей принадлежностью к элитным войскам. Хотел, наверное, послать фотографию домой или друзьям. Да, видно, и послал.

Напротив мраморной плиты, у другого края могильного холмика, стоял небольшой деревянный ящик, в который была воткнута совсем маленькая ёлочка. Она была украшена стеклянными шарами и золотистой мишурой. На самом холмике лежал апельсин. В холодном свете луны он казался не оранжевым, а серым. Снежинки медленно опускались на блестящую кожу заморского фрукта.

Я вдруг понял, что вторгся в чужую жизнь, как непрошенный гость в чужой дом. Словно стыдясь своей неловкости, я отвел взгляд и отошел. В дальнем конце дорожки еще видны были два медленно удалявшихся силуэта. Я смотрел им вслед и испытывал щемящее чувство сострадания. Но чем мог помочь им я? Эти люди нуждались в помощи сил куда более могущественных. В моей же власти было совершать новогоднее чудо лишь для своих маленьких девочек. Я с новой силой ощутил любовь и нежность к тем, кто ждал меня дома у новогодней ёлки. «Волнуются ведь, небось. Не следовало мне так долго и далеко ходить», – подумал я, и, больше не оглядываясь и не глядя по сторонам, поспешил к воротам.